

О. Жогов

В центре круга

Ed elli a me, come persona accorta:

«Qui si convien lasciare ogne sospetto;

ogne viltà convien che qui sia morta.

(La Divina Commedia. Dante Alighieri, CANTO III)

1

Роман все-таки вышел. Пусть небольшим тиражом и в скромном оформлении, но это была первая значительная удача в писательской жизни Ника. Это уже не те мелкие журнальные публикации или дешевые брошюры, которыми он зарабатывал на повседневную жизнь и которые оставляют в поездах, как пустую бутылку из-под колы. Он презирал самого себя, что занимается этим. Конечно, выйди этот роман лет десять назад, когда он, как изнемогающий от жажды путник, ждал своим пересохшим горлом хоть самую незначительную капельку влаги. Когда он хотел удовлетворить своё графоманское тщеславие, чтобы о нём знали, говорили, обсуждали, узнавали не улице, улыбались незнакомые девушки. Вот

тогда это было бы наслаждением. Теперь... он перегорел, переждал и сейчас больше заботила продажа тиража, чтобы хоть как-то закрыть образовавшиеся дыры в личном бюджете, чем утешаться славой и известностью, о которой грезил раньше.

Ник вначале каждый день заходил в крупный книжный маркет на Лё Роз, с трепетом и нетерпением набрасывался на продавца, словно на почтальона, который должен принести долгожданное письмо от любимой, заглядывал в глаза, спрашивал, сколько было продано. «Сейчас мало читают, господин Крейц», — отвечали учтивые девушки из маркета. «Сейчас мало читают»... звучит, как скрытый, успокаивающий приговор врача обречённому больному — «Нужно верить в выздоровление, Вы обязательно поправитесь». Какой, к чёрту, «поправитесь»? Он уже обречён! Какой, к чёрту, «мало читают»? Совсем, ни хрена не читают! Почему не сказать честно?

Затем, чувствуя свою надоедливость и раздражение продавцов, стал заходить реже или вовсе не спрашивал их, а только украдкой наблюдал за посетителями, которые подходили к стеллажу с его романом. На лицах посетителей он тоже не отмечал восторга. Отчего, выйдя из маркета, направлялся в ближайший бар, залить

горечь двойным виски и выслушать глупые библейские нравоучения бармена. Конечно, это было слабое утешение. Дело в том, что по договору с издателем, Ник мог претендовать на часть гонорара, только после продажи половины тиража. Да, это было непростое решение, но издатель мог вообще не согласиться печатать его роман и поэтому Ник пошёл на все условия, какие ему только выставил господин Фриссе. И роман был напечатан.

Жизнь Ника плелась усталой кобылой по наезженной колее и он уже не держал поводья, не подгонял и не пытался свернуть с пыльной привычной дороги: дом — маленькая квартира на верхнем этаже, с возможностью выйти на крышу, маленькая консьержка — маори, плохо понимающая, если говорить бегло, каким-то чудом занесённая сюда и посаженная повторять, как краснолобый какарик: «ЗдлЯствуюте, господин Клэйц, до свидания, господин Клейц». Уставшая, как и он сам, машина, с противным, как у всех старух, характером и поэтому простаивающая под домом, бар, с барменом — африканцем и по парадоксальному сочетанию — библейским проповедником и ещё много и много чего, примелькавшегося, вьёвшегося в его жизнь — вещей, людей, домов и улиц. Может быть, кому-то и нравится такая предсказуемость и размеренность,

но не Нику. Его угнетает однообразие, его угнетает, что он покупает одни и те же сигареты в одном и том же автомате и дает себе клятву в следующий раз купить в другом месте, другую марку, но — идет туда же, покупает ту же марку и опять дает клятву. «Нет ничего более убийственного, чем системность. Система делает из нас роботов, запрограммированных зомби», — думал Ник и продолжал жить по системе.

Единственным, где Ник допускал сбой «системы» — были женщины. Хотя и это тоже была «система» — «система разнообразия». Он не повторялся. Их было много, каждый раз новых, разных, весёлых и молчаливых, светлых и тёмных, совсем молоденьких и смотрящих на жизнь устало. Были европейки, тайки, негритянки, арабки, худенькие и в теле, скромные или запуганные и совершенно вульгарные, разнузданные, а объединяло этот женский интернациональный калейдоскоп то, что все они или почти все были проститутками. Он не хотел отношений и считал, что так гораздо честней, не морочить голову ни себе, ни партнерше — любовь слишком затратное для его души состояние. Когда ты возвращаешься к одной и той же женщине, ты становишься уязвим, зависим и ответственен за кого-то. Все равно, что подобрать на улице котёнка, поиграть с ним, а потом выбросить. Нет, ответственность — это

конец твоей свободы.

Проституция, секс за деньги — самый честный договор между мужчиной и женщиной за всё время, сколько существует этот мир. Всё остальное — условности, лицемерие, навязанное религиозной моралью, сделавшее из физиологической потребности человека — сакральное таинство, Вселенский грех, наравне с убийством, а проститутки — олицетворением порока. Скольких бы преступлений можно было бы избежать, если бы секс нами воспринимался, ну, как еда или дыхание. Разве мы относимся к женщине, приготовившей нам ужин с таким же презрением? Мы платим ей деньги и благодарим, если вкусно или просто платим. Разве считаем изменой, если пользуемся услугой девушки — парикмахера? Скольких придурков, извращенцев, садистов сделало это «таинство»? Сколько поломано романтических грёз из-за того, что поставлен знак равенства между «Любовью» и «Сексом»?

Ник никогда не презирал их. Иногда жалел, что они занимаются этим по нужде или по чужой воле. Его порой терзала совесть, что из-за него, таких, как он, появляются сутенёры, процветает сексуальное рабство. Особенно, когда Замир, албанец-сутенёр, присылал ему запуганную, со следами засохших слёз, юную «жрицу», обманом,

либо насильно, попавшую в жернова этого бизнеса. Но он успокаивал свою совесть тем, что и без него, до него и после него, будут эти жертвы, потому что человечество сделало из этого таинство, на котором можно неплохо нажиться. И если бы цивилизация не вытолкнуло эту человеческую потребность на обочину морали, то и не гроздились бы вокруг этого всевозможные мерзавцы и ублюдки.

Автоматическая дверь книжного маркета привычно раздвинулась перед ним, так же привычно, с дежурной улыбкой встретила продавец.

— Здравствуйте господин Крейц, пока никаких новостей... я сожалею...

Ник проглотил это, как всегда изнасиловано улыбнулся, сморщившись в духе позднего Бельмондо, подошел к стеллажу с эротической дребеденью и стал рассматривать, глумясь про себя, над тупостью названий и оформлений. Выжидать, когда к его роману подойдет какой-нибудь покупатель, было бесполезно, но «система»... Ник стоял и всё равно чего-то ждал. Иногда ему хотелось, швыряться своим романом в прохожих, чтобы как-то обратить на него их внимание. Он обзвонил своих сколько-нибудь знакомых, сообщив о выходе романа, но все, с удивительной одинаковой интонацией ответили, что поздравляют и обязательно прочтут... когда-нибудь... потом.

Он услышал звук открывающейся двери и оглянулся, увидев высокого сухого пожилого мужчину в добротном костюме. Девушка поздоровалась и что-то спросила у мужчины. Ник решил дождаться, что купит незнакомец и пойти по «системе» — в бар, слушать библейские нравоучения бармена, почему-то полюбившего давать советы именно Нику. Девушка подвела мужчину к стеллажу, где был его роман. Ник замер. Он ещё не видел, как выглядит его читатель. Мужчина взял книгу, стоящую рядом, покрутил в руках, поставил на место, взял книгу Ника, таким же движением покрутил и её и хотел уже поставить, чтобы взять следующую, но что привлекло его внимание. Грудь Ника наполнилась тревогой, он хотел сорваться, подойти и самому отрекомендовать свой роман, но посчитал этот жест ребяческим, не солидным, могущим наоборот отпугнуть, как показалось ему, довольно чопорного и скупого на дружелюбие мужчину.

— «Врач — хирург?... точные движения, без суеты... Бывший полицейский? Нет... Вряд ли... читать романы о спецслужбах — удел тех, кто в этом ни черта не смыслит. Бывший пилот гражданских авиалиний, — сделал анализ Ник, — да... в таком почтенном возрасте и читает довольно мелкий текст... заслуга господина Фриссе сэкономить на бумаге...», — размышлял Ник.

Мужчина полистал книгу, открыл её сзади, внимательно почитал сведения об авторе и пошел к кассе. Ник громко выдохнул и подумал, что сегодня напьется и пошлет бармена с его советами туда, откуда он приехал. Он дождался, когда выйдет «бывший пилот» и вышел следом. Девушка-продавец попрощалась с ним тёплой улыбкой и Нику она уже не показалась дежурной. Он увидел, что мужчина несколько метров прошел пешком, остановился у обочины и посмотрел куда-то в сторону. Рядом остановился шикарный БМВ, мужчина открыл заднюю дверь, сел и машина плавно тронулась, оставив Ника с открытым ртом и не подкуренной сигаретой, висящей на губе. Это был сбой его «системы». Так он ещё не ошибался...

— «Пилот, да не тот... Да, старик, ты промахнулся. У меня для тебя даже нет вариантов... Придется выслушать бармена, может он подскажет ... Да...».

В баре толклись каких-то два подвыпивших парня, никак не определившихся, продолжать ли им ещё или уже пора на выход. Ник привычно сел за барную стойку и подумал о «системе». Сейчас Джо возьмет стакан, посмотрит его на свет, протрет грязным полотенцем, нальёт чуть больше двух пальцев виски и скажет: «Чем больше виски в стакане, тем дальше ты от Бога!». Ник обычно молчал, не потому что был согласен, просто не

хотел говорить о Боге. На этот раз Ник решил поломать «систему».

— Джо, сделай мне сегодня тройной ...

— О! Господин писатель, вы хотите сегодня быть, как эти два парня? «Горе тем, которые храбры пить вино...»

— И тем, кто «сильны готовить крепкий напиток», Джо, нужно цитировать Исайю до конца.

Бармен поднял глаза, в которых читалось признание поражения.

— Увы, это моя работа... господин Крейц, — прозвучала в голосе досада.

— Ладно, Джо, твой грех я сегодня возьму на себя...

Ник криво улыбнулся, сделал жест, будто чокается с Джо и сделал глоток. Что нужно, чтобы человек перестал давать дурацкие советы — поставить его в неловкое положение. Но Ник не любил ощущать превосходство. Он видел поверхностные знания Библии Джо и раньше, но уличил его в этом впервые, сам не желая того.

— Почему ты не ставишь своего любимого Дедди Вилсона?

Джо взглянул с какой-то грустью.

— Ну, как хочешь... Ответь мне Джо... ты встречаешь мужчину... пожилой белый мужчина, лет шестьдесят пять, осанка, уверенная координация, не носит очков..., - Ник отхлебнул

виски, — что ещё?... Очень сдержанный стиль дорогой одежды... кем он может быть?

— О, нет, господин Крейц, этот человек должен прийти ко мне в бар и я должен с ним поговорить, что бы понять кто он. Он может быть и священником...

— Священником?! Вот этого варианта у меня не было, хм.... Нет, маловероятно. Его подобрала дорогая, роскошная машина, на каких ездят политики в телевизоре.

— Тогда может это и был политик?

Ник поморщился больше от несогласия с ответом, чем от выпитого виски. Он поставил стакан.

— Политик не стал бы сам заходить в книжный маркет за какой-то книжонкой малоизвестного автора...

— Он купил вашу книгу?! — оживился Джо.

— Мою...

— Я поздравляю Вас! Если этот господин высокого ранга, он может оказать Вам услугу, — Джо воздел к небу руки и поднял глаза, — Предай Господу дела твои и предприятия твои совершаться...

Ник опрокинул остатки виски, достал сигарету. Джо замахал руками.

— Нет, нет, у меня могут быть проблемы!

— Тогда я буду вынужден повторить виски...

— Нет никого кроме Господа, кто бы мог этому помешать, но я слышу, что он говорит «хватит»!

— Вот прямо отчетливо ты слышишь, что он говорит?

— Да, господин Крейц...

— А скажи Джо, на каком языке он тебе говорит? Какой у него тембр? Бас? — Ник уже поймал первую волну опьянения, когда появляется лёгкость и азарт, ты кажешься себе непревзойденным острословом и твои шутки выходят самыми смешными. Он попытался сделать несколько звуков, подражая «голосу» Бога, затем закашлялся и встретился с недружелюбным взглядом Джо. Бармен смотрел своими крупными, навывкате, африканскими глазами с кровавыми прожилками на белках.

— Всякий грех и хула простятся людям, но хула на Господа не простится!

Ник опустил глаза, затем взглянул на Джо и улыбнулся. Прислонил мизинец к стакану.

— Джо не злись на старого грешника, если ты плеснешь вот столько, то Всевышний это даже не заметит. У него и без нас полно забот.

Джо посмотрел с некоторым недоверием, затем взял бутылку и налил ровно по мизинец. Ник взял стакан заглянул в него, словно ища ответ на какой-то вопрос.

— «Вот потому я и не люблю разговоры о Боге, потому что люди, говорящие о нём, лишены чувства юмора и самоиронии. Бармен — проповедник... что может быть более нелепым?... Только сутенер — проповедник», — Ник крутнул стакан и залпом выпил.

— Спасибо Джо!

Ник вытащил несколько мелких купюр и положил на стойку.

— Хорошего вечера, господин Крейц.

Переступив порог бара, оказавшись на улице, Ник сразу же закурил. И первая затяжка оказалась какой-то необыкновенной, долгожданной и выстраданной. Он замер и некоторое время стоял, боясь нарушить эту Nirvanу. Неожиданно раздался звонок телефона. Он вернул Ника в реальность. Ему кто-то звонил, что бывает крайне редко. Он забывал телефон дома или носил его несколько дней разряженным и мир не рушился, пропущенных звонков не было. Ник, не глядя ответил.

— Кому же я понадобился?

— Здравствуйте Николас... Это Фриссе...

— О! Господин создатель?! Неужели продана половина тиража?!

— Нет, по-видимому... весь тираж...

Ник ухмыльнулся, решив, что издатель угадал игривый настрой Ника и решил ответить ему в том же духе.

— Я думал Вы мне звоните, сказать, что изменили условия контракта и Вы можете дать мне хоть небольшой аванс...

На том конце возникла продолжительная пауза.

— Я смогу вам выплатить весь гонорар, господин Крейц..., - словно нехотя выдавил из себя Фриссе.

— Не понял..., - Ник стал судорожно перебирать возможные подвохи от такой щедрости, — Вы хотите получить права на роман?

— Нет... как бы Вам сказать... я не буду больше печатать роман.

— Почему?... — растерянно и совершенно трезвым голосом спросил Ник. Он никак не мог взять в толк, что могло стать причиной не печатать роман, который так быстро продан. Голос у Фриссе показался Нику грустным и подавленным и никак не вязался с тем образом издателя, которого он знал.

— Больше я не могу Вам ничего сказать, господин Крейц. Вам будет сейчас же перечислен гонорар, до свидания...

— Твою мать, Филлип! Ты мне не можешь ничего сказать?! Мне не можешь сказать?! Мне?! Ты что, Филлип?!..

— Мне нечего добавить, Ник. Тираж продан, ты получил то, что хотел, в чём проблема? Все

довольны...

— Довольны?! Ты говоришь, что тираж продан... тот грёбанный... мизерный тираж, на дешёвой бумаге мелким шрифтом?! Ты это называешь тиражом?! А теперь, когда скуплен весь тираж, ты не хочешь больше печатать?! Чем я должен быть довольным?! Я не понимаю!

— У меня изменились обстоятельства...

— Какие, к чёрту, могут быть обстоятельства?! Я сейчас же приеду и ты мне скажешь в глаза, какие у тебя обстоятельства!

— Хорошо, я в издательстве...

Ник отключил телефон, нервно стал крутить головой, в поисках такси, достал сигарету и закурил. На противоположной стороне стояла тёмная машина с выключенным светом и она не привлекла бы никакого внимания Ника, если бы не одно обстоятельство — в машине сидели люди.

— «Ну да, конечно, где же им ещё сидеть, если не в машине, не всем же шляться по барам», — Ник пошутил над своей подозрительностью.

Наконец какой-то таксист обратил внимание на голосующего Ника. Машина остановилась перед ним и Ник плюхнулся на сидение, собравшись погрузится в размышления о причинах такого поведения издателя, но каким-то инстинктивным движением обернулся и увидел, как у стоявшей машины зажглись фары и она тронулась в том же

направлении. Ник и на этот раз сказал себе, что совпадения бывают ещё и не такими. Проехав несколько кварталов, такси свернуло направо. Ник обернулся, той машины не было. Не то что бы он обрадовался, скорее, лишний раз убедил себя, что писательство романов об агентах, слежках, прослушках и наблюдении, приводит к лёгкой паранойе, при которой начинаешь смотреть на простые вещи и совпадения через призму «теорий заговора». Таксист резко принял вправо, пропуская орущую скорую помощь, мчавшуюся к какому-то несчастному. Через несколько секунд она скрылась в потоке за машинами, озаряя мигающими сигналами глянцевые крыши машин. Когда таксист свернул на улицу, где было издательство, дорогу перегородил полицейский, показывая, что проезд закрыт. Такси развернулось и остановилось. Ник вышел и направился пешком. Возле здания, где размещалось издательство, стояла скорая помощь, вокруг суетились медики. На асфальте лежало тело накрытое тканью. Подойти ближе помешал полицейский. Ник прошёл к группе зевак и решил набрать Фриссе. Телефон издателя был отключен. За спиной две женщины обменивались своими наблюдениями.

— Какой ужас! Когда он летел, так кричал... У меня до сих пор этот голос в ушах... жутко, жутко...

— С какого этажа он выпал? — спросил голос другой женщины.

— С восьмого... вон видите открыто окно на восьмом этаже?

Ник только сейчас взглянул на окна издательства. Второе с краю было открыто. Это был кабинет Фриссе. Среди нескольких мужчин, стоящих неподалёку и обсуждающих происшествие, Ник определил старшего, сухого высокого мужчину около пятидесяти лет. Он рванулся к нему, игнорируя окрики полицейского.

— Офицер! Офицер! Это господин Фриссе?!

Мужчины повернулись к Нику, «старший» из них сделал знак полицейскому, чтобы пропустил его. Ник не ошибся, он был какой-то полицейской шишкой.

— Вы что-то хотите сказать по поводу самоубийства?

— Самоубийства?! Вы уже расследовали? Не успев приехать, вам всё уже ясно?!

— Как одна из версий... Вы кто?

— Я пол часа назад разговаривал с ним... Почему вы решили, что это самоубийство?

Офицер вытащил из папки листок и показал его Нику. Это было несколько предложений набранных на компьютере.

— Что это?

— Предсмертная записка...

— Вы смеётесь?! Тут нет ни подписи, ничего, что могло бы подтвердить авторство этой записки!

— Вы так и не ответили, кто Вы? — офицер с некоторым раздражением спрятал листок в папку, — Откуда Вы знаете господина Фриссе?

— Он мой издатель, я... писатель...

— А..., - офицер криво улыбнулся, — и, наверное, пишете детективы? Понятно...

— Послушайте, дело не в детективах, я сам терпеть не могу детективных фантазеров. Самоубийцы не приглашают свидетелей, они делают это тихо, без рекламы. Филлип был слишком заядлым бабником, чтобы лишать себя этого удовольствия на этом свете, не представляя, что будет на том! И ещё... Вы слышали когда-нибудь, чтобы самоубийца кричал во время падения?

— А он кричал?

— Так говорит вот та дама, — Ник показал на женщину, от которой он услышал. Офицер подозвал полицейского и поручил ему взять показания у женщины.

— В каких отношениях Вы были с покойным?

— Не могу сказать, что в приятельских... Он был порядочной сволочью, этот господин Фриссе...

— То есть, Вы хотите сказать, что у него могла быть масса «доброжелателей» его смерти? Вы тоже его не очень пылко любили?

— Если Вы хотите меня ввести в круг подозреваемых, скажу сразу, морду ему набил бы с удовольствием, но выбрасывать... Человека, который должен перечислить мне гонорар, я должен беречь, как монашка девственность, а не выбрасывать его в окно.

— Зачем же вам так срочно понадобился господин издатель? Вечером, когда в офисе никого нет?

— Это касалось моего романа. Странный разговор. Он сказал, что кто-то выкупил весь тираж и что он больше не будет его печатать. Тут что-то нелогичное. Если у господина Фриссе покупают весь тираж, то господин Фриссе с блаженнейшим лицом херувима, заявил бы, что запомнил, сколько точно он напечатал и на следующий же день этот тираж был бы в три раза больше. Я не могу понять, что могло случиться, чтобы он отказался от такой выгоды. Доводы должны были быть очень вескими...

— А о чём Ваш роман?

— Это политический детектив, не имеющий с действительностью ничего общего, в общем, теория заговора. Читатель это любит...

— Да... Вы оставьте полицейскому адрес, как Вас найти...

Ник заметил, как тело упаковали в мешок и погрузили в машину. Он оставил свои данные

полицейскому, ещё раз взглянул на этаж, словно представляя, как падал Фриссе, проведя глазами траекторию полёта. В поле зрения попала та тёмная машина, которая стояла недалеко от бара.

— «В городе тысяча машин этой марки, третья часть такого же цвета и десяток их владельцев может жить в этом районе», — убеждал себя Ник.

— И всё же!.. — окликнул Ник уходящего офицера, — самоубийство должно быть на самом последнем месте в списке ваших версий!

Офицер остановился, не сразу оглянулся, постояв, наклонив голову, видимо раздумывая, проигнорировать реплику Ника или дать команду, чтобы его забрать в участок.

— Моя фамилия Хансен! Капитан Хансен... Если бы Вы зашли завтра в комиссариат, я бы был Вам очень признателен! А порядок версий, позвольте я буду составлять сам!

Ник взглянул на машину, недовольно дернул головой. Хотелось ещё выпить, но в бар идти было не охота. Слушать проповеди Джо? На сегодня было достаточно их выслушано. Крейц направился к машине с незнакомцами. Когда до машины оставалось меньше полусотни метров, машина ожила, включив ближний свет и тронулась, быстро исчезнув за поворотом.

— А теперь не верь в совпадения..., -

проронил Ник вслух.

Он остановился посреди дороги, вращая головой по сторонам, пытаясь определить в людях, машинах тех, кому ещё он может быть интересен. Всё кругом было буднично. Скорая и полиция уехали, кучка зевак разбрелась по своим делам. В голове Ника был полный сумбур обрывочных фраз, собственных мыслей, подозрений, словно он находился в гомонящей толпе беспорядочно снующих людей и пытался понять, вслушаться в каждую кем-то произнесенную фразу. Он сильно зажмурился, стараясь отогнать, вытолкнуть из головы этот бедлам мыслей.

— «Давай-ка ты будешь циником и реалистом. Фриссе выбросили или он сам выбросился, не важно... что это меняет для меня? Ничего, если он, конечно, перечислил деньги. Его проблемы никак меня не касаются. На тебя произвела впечатление его нелепая смерть? Нет, я их насмотрелся на Востоке и меня тяжело чем-то впечатлить. Я видел многое и прошел через многое. Меня заживо закапывали, в меня стреляли, втыкали ножи. У меня высохла почва сожаления. Что же ты растерялся, девочка?... Девочка... Да нужно взять бутылку виски и позвонить Замиру, чтобы прислал какую-нибудь свеженькую румынку или... да всё равно...»

Замир, албанец-сутенер, с которым Ник уже

давно имел дело, знал вкусы своего постоянного клиента и ценил того за то, что вкуса, как такового, у Ника никакого не было. Он был неразборчив и всеяден. Ник потянулся за телефоном, набрал нужный номер. После третьего гудка ответили:

— Алло?!

Ник молчал, задумавшись. Он отключил телефон, не удостоив Замира ответом.

— «Система... опять система... всё надоело!»

Ник побрел по вечернему городу без цели, опустошенный и уставший.

2

Крейц ввалился в парадное, пытаясь казаться не столь пьяным, собрал лицо, выпрямился и старался идти уверенно.

— Здравствуйте, господин Клейц, — улыбалась, приветствовала консьержка — маори, почтительно опустив голову.

— Здравствуйте..., - протянул Ник, поймав себя на том, что так и не знает, как её зовут. Из всех знакомых ему имен племени маори он помнил только Дэвида Туа, но эта мелкая тщедушная фигурка как-то совсем не сочеталась с образом Дэвида, — как Вас зовут?...

Консьержка подняла испуганный взгляд и тут же опять опустила голову.

— Кили..., - произнесла она еле слышно.

— А... Кили?

— Нет, Кили, — глупо смутившись, повторила консьержка.

— Хм... Кири? Так просто?... — Ник удивился.

— Да, да, Кили, — заулыбалась туземка.

— Спокойной ночи Кири! Хм...

— До свидания, господин Клейц, — закивала консьержка.

Ник открыл дверь квартиры и, не успев включить свет, наступил на что-то мягкое. Он пошарил по стене, щёлкнул выключателем и увидел, что стоит на куртке, валявшейся на полу. Он поднял куртку, повесил её на вешалку и только потом заметил, что по всей квартире беспорядочно разбросаны вещи, бумаги. Что-то долго и педантично искали, вывалив на пол всё, что можно только было вывалить. Ник прошёл по квартире, ошеломлённый и растерянный, не разбирая дороги, окинул взглядом весь этот Армагеддон. Хмель ушёл, оставив место злости. Он выскочил на лестницу, спустился вниз к консьержке.

— Кири?! Кири?!

Женщина вышла из своей комнатки, испугано, с опаской взглянула на Ника.

— Сегодня приходил кто-нибудь

незнакомый?! Кого вы не знаете?!

Кири внимательно следила за губами Ника, и что-то беззвучно повторяла за ним. Он поймал себя на мысли, что туземка понимает не все слова или ни черта не понимает совсем.

— Ты... понимаешь? — почти по слогам произнес Ник.

— Понимаешь..., - закивала Кири.

— Был кто-нибудь незнакомый?

— Незнакомый..., - лицо туземки стало задумчивым, то ли от воспоминаний о незнакомцах, которые могли проходить, то ли от непонимания слова «незнакомый», — нет, господин Клейц...

Ник скорчил недовольную гримасу, свернув на бок губы.

— Ладно... спокойной ночи, Кири...

Ник снова поднялся к себе, внимательно начал разглядывать вывоченное, прошел к столу. Ноутбука не было, вместо него на пыльном столе остался четкий прямоугольник.

— Зачем им понадобились эти лохмотья?

Он прошел к двери, ведущей на крышу. Она была заперта. Ник взял фонарик, открыл дверь и осветил в темноту, затем тщательно стал осматривать сам замок. Следов взлома он не обнаружил. Посветив вдоль, над полом, почти приложив к нему фонарик, Ник внимательно присмотрелся к слою пыли, которая тут скопилась.

Виднелось несколько нечётких следов.

— Ну вот, теперь понятно, почему консержка никого не видела.

Ник закрыл дверь, сел на пол и задумался. Он не хотел давать волю своей фантазии, отгонял самые невероятные версии и предположения, которые вспыхивали у него в голове, подобно фейерверку. Кому и зачем понадобился его ноутбук, который он давно уже собирался выбросить. Что искали? Деньги? Зря, их никогда не было. Может это всё связано с деньгами за тираж? Кто и зачем его выкупил? Кто? Зачем? Почему? Вопросы возникали быстрее, чем можно было найти на них ответ, мысли опять начинали путаться, цепляясь то за одну версию, то за другую, превращаясь в лавину хаоса. Ник закурил. Осмотрел ещё раз комнату, размышляя, как теперь это всё убрать и с чего начать. Он поднял несколько вещей, посмотрел, куда их можно положить, затем с отчаянием опять швырнул на пол. Проплёлся к дивану и, словно подкошенный, свалился на него. Уснул сразу, устав от предположений и догадок, вопросов, на которые не нашёл ответов за весь долгий сегодняшний день.

В комиссариат Ник приехал рано. Не терпелось рассказать о своём новом приключении Хансену, о своих предположениях, связывающих

убийство Фриссе, а то, что это было убийство, Ник уже не сомневался, с непонятным «ограблением» ноутбука и разгромом его квартиры.

Хансен подъехал в половине девятого.

— Господин писатель?! Вы так рано?!
Появились какие-то новые версии?!

Никуну показалось это издевкой, он сжал губы и недружелюбно взглянул на детектива.

— Мое имя Николас Крейц, я хотел бы, чтобы Вы серьёзно отнеслись ко всему, что я Вам скажу. Или Вы считаете, что писатель не может представлять интереса полиции в качестве свидетеля, как душевнобольной, не отвечающий за свои действия? Складывается впечатление, что у Вас к писателям какая-то ревность...

— Ну что Вы, что Вы... Пройдёмте в кабинет...

Они поднялись на второй этаж. Кабинет был довольно тесный, со старой потрепанной мебелью. Хансен предложил Никуну сесть у стола. Сам повесил пиджак на вешалку и сел за стол, сцепив пальцы рук, внимательно глядя на Ника. Пауза немного затянулась. Мужчины смотрели друг на друга. Молчание прервал Хансен.

— Я получил данные вскрытия и осмотра трупа... Вашего друга...

— Он не был моим другом, — прервал Ник.

— Ну да, да... У господина Фриссе были

весьма убедительные посетители. В районе печени мы обнаружили два сильных кровоподтека. Очень профессиональные удары...

— Чего бы не хотелось, так это иметь в такой ситуации дело с профессионалами...хотя... Профессионалы не оставили бы и этих следов. Скорее это была импровизация, действовали по ситуации.

— О какой ситуации Вы говорите?

— У меня в квартире тоже побывали очень убедительные и настойчивые ребята.

Хансон удивленно поднял брови.

— Что-то украли?

— У меня не очень-то есть, чем поживиться, что и наводит на мысль, что искали не драгоценности или деньги. Им нужно было что-то другое. А вот что?... У Вас курят?

Хансен повертел головой в поисках чего-то. Протянул руку к подоконнику, взял пепельницу девственной чистоты и поставил перед Ником.

— Прошу...

Ник затаился.

— К Вам домой нужно послать криминалистов, какие-то следы они наверняка оставили?

— Хм... Вы же сами сказали — «профессионально». Какие следы? Это не воры, капитан. Может им бы очень хотелось, чтобы о них

так думали, но я знаю...

Хансен сделал лицо задумчивым. Ник пытался понять, о чём он думает и составлял для себя его психологический портрет.

— «Датчанин... или ... нет, скорее, датчанин. Чем хороши скандинавы, так это своей неторопливостью, что в этом деле в плюс. Этот если возьмёт след, будет идти до конца. Если он его, конечно, возьмёт. Или если ему позволят его взять. Нехорошее у меня предчувствие... Начинается какая-то нездоровая возня и понять бы, какую мне роль в ней отводят...».

Ник вспомнил, как такое же чувство он испытал, когда служил на Востоке. Когда их кинули на операцию, без разведки и поддержки, когда и подкатило это чувство — беспомощности и обречённости, неизвестности и бессилия. Но тогда он выжил. Тогда он был молод, с крепкими зубами, выносливым и сильным. В размеренном буржуазном мире он растерял инстинкты, расслабился, постарел, стал сентиментальным, что вынужден слушать проповеди Джо, да и, как не храбрись, смерть Фриссе произвела на него впечатление. Поваяло каким-то холодком, от чего прошёл озноб по спине и клонило ко сну.

— Вы говорили, что господин Фриссе должен вам перечислить деньги, о какой сумме идет речь? Может это и есть причина всех этих...

злоключений? Если они, конечно, связаны между собой.

— А Вы, капитан, не видите связи? Деньги я, кстати, получил, это несчастные тридцать две тысячи. Мы не в Пакистане, чтобы из-за таких денег проводить спецоперацию, убивать, следить за мной...

Хансен недоверчиво взглянул на Ника.

— Следить?

— Да..., - Ник ответил с некоторым сомнением, — мне показалось, что за мной следили от бара до офиса издательства... два типа в темной «Ауди». Номеров я не разобрал, темно было. Хотя, что номера... Всё очень странно, капитан.

— Да... может Вам понадобится охрана?

— Хм... Если бы я представлял для кого-то опасность, я бы с Вами уже не разговаривал, ещё со вчерашнего дня. А один средний снайпер решает много головоломок одним патроном в девять миллиметров. Я сам способен за себя постоять.

— Всё же я приставлю к Вам двух ребят.

— Хм... Только пусть сделают так, чтобы я их не видел, хорошо?

— Вот возьмите мою визитку, и я прошу... не проявляйте никакой личной инициативы. Звоните мне в любое время. Меня зовут Йохан.

Ник встал и протянул руку капитану.

— Николас... Не люблю находиться в

состоянии наживки.

Капитан поднял голову, внимательно взглянул на Ника.

— И всё же...

Ник вышел из комиссариата с чувством ещё большей неопределённости, чем когда заходил в него. Ничего нового капитан не сказал. То, что Фриссе убили, было понятно с самого начала, то, что это были профессионалы, да, Ник не знал, но догадка об этом была основной. И что в итоге он получил? За ним будет ходить хвост из двух болванов, любителей фаст-фуда. Зацепок, кому бы мог помешать Фриссе и кто интересуется какой фирмы трусы носит малоизвестный писатель — никаких. Выплёскивать поток версий этому неэмоциональному скандинаву? Нет никакой перспективы, только посмеётся. Да и какие веские версии есть? Опять обрывки, ничего цельного, ничего, за что можно ухватиться.

Ник вяло побрёл по улице. До уха донесся жужжащий звук стартера заводящейся машины. Он обернулся, в конце квартала стояла тёмная «Ауди».

— «Профессионалы? — Ник мотнул головой, — по-моему, они и не собираются делать это скрытно. Хорошо, посмотрим...»

Ник свернул с улицы, пошёл напрямик, через цветник, по газону, ускоряя шаг. «Ауди» проехав

несколько десятков метров, остановилась, но из машины никто не вышел. Постояв несколько минут, рванула с места.

— Значит... передали «клиента», — заключил Ник, — кому?!

Он начал внимательно всматриваться в прохожих. Можно сойти с ума, стать параноиком, подозревать в каждом прохожем, гуляющих мамашах, молодых людях, сидящих на скамейках, девушке, пробегающей на утренней пробежке, неприятелей, причастных к убийству издателя или квартирным «гостям». Нет сомнения, что он ещё нужен, команды убрать, ещё не поступило. Это обнадеживало, но и делало тягостным дальнейшее существование, в ожидании, когда его нужность закончится. А самое главное не очень понятно для чего? Для чего и кому он понадобился?

Ник прошел через сквер, свернул за угол, затем резко развернулся и чуть не столкнулся с девушкой в спортивном костюме, которую он заметил в сквере. Девушка вздрогнула от неожиданности, и Ник успел прочитать растерянность в её глазах. Она быстро спрятала взгляд, и скользнула в переулок. Ник остановился, провожая её взглядом, ухмыльнулся.

— «Теперь по инструкции они должны передать меня другому. Сколько у них людей занятых этой ерундой? Это ещё нет болванов

Хансена, которые будут путаться под ногами. Ну, кто, кто следующий за мной будет следить?!».

Ник посмотрел по сторонам. Улица была почти пуста. Он с ненавистью всматривался в лица редких прохожих, проклиная себя за излишнюю подозрительность и свое бессилие, что-либо изменить. Он ещё никогда не был в роли жертвы, за которой идёт непонятная и странная охота. На Востоке он сам был охотником, выслеживая «объект», наслаждаясь адреналином внезапности, видя в глазах врага беспомощность и мольбу о пощаде. Не тупая ликвидация, Ник жаждал видеть страх отчаяния. Теперь он сам, как загнанный зверек, живет в ожидании внезапного появления «охотника».

Ник поймал такси и поехал в бар покорно слушать нравоучения «проповедника» Джо. Усилием воли он не давал голове обернуться, посмотреть назад, не едет ли за ним та тёмная «Ауди», потом откинулся назад, развалился в кресле, демонстрируя сам себе, что ему на всё плевать и нет в мире ничего, чтобы вызвало у него страх. Он не доставит никому этой радости.

3

К крыльцу загородной резиденции подъехал большой чёрный седан. Молодой человек, стоящий

на ступеньках, бодро сбежал вниз и открыл заднюю дверцу автомобиля. Из машины вышел «бывший пилот».

— Здравствуйте господин Роулли, Вас ждут.

«Пилот» на мгновение дежурно улыбнулся и кивнул. Не спеша и с некоторой неохотой он поднялся по ступенькам. Молодой человек, оббежал его и открыл перед ним дверь.

— Вас ждут в малом кабинете, господин Роулли, — отчеканил молодой человек.

Мужчина ещё раз кивнул и скрылся в дверях.

В полутемном кабинете у окна стоял невысокий плотный мужчина. Иссиня-чёрные блестящие, зачесанные назад волосы, делали их владельца гораздо моложе. Заложив руки за спину, он что-то обдумывал, вытягивая нижнюю губу, накрывая ею верхнюю. На звук открывшейся двери, мужчина слегка повернул голову, не оборачиваясь на вошедшего.

— Проходите Марк...

— Здравствуйте господин Премьер-министр.

Мужчина развернулся на пятках и внимательно, несколько задрал голову, взглянул на Роулли.

— Есть ли какие-нибудь новости о нашем писателе?

— Мы проверяем все его связи, пока нет ничего, чтобы мы могли понять, от кого прошла

утечка. Он ведёт достаточно замкнутый, нелюдимый образ жизни.

— Вы прочитали его роман?

— Я прочитал только ту часть, которая касается операции...

— Ну и как?

Роулли сделал паузу, подбирая слова.

— Очень точно описано... в мельчайших подробностях...

— Именно, Марк! Именно в мельчайших подробностях, о которых могли знать только несколько человек, — мужчина выставил вперёд растопыренную ладонь, — только пять, может, шесть человек! Двое из них — мы, один погиб еще десять лет назад! Кто из оставшихся?!

— Крейц служил на Востоке пятнадцать лет назад, мы проверяем, мог ли он пересекаться с людьми из «Круга»...

— Марк, почему нельзя это спросить у самого писателя? Зачем вся эта аналитика, изящность и кружева интеллигент — сервис? Взять и спросить, как Вы умели раньше? Или с пенсией приходит сентиментальность? А?

На скулах Роулли заходили желваки.

— Сейчас изменилась обстановка...

— Обстановка? — прервал Премьер и фальшиво улыбнулся, — Вы не представляете, как обстановка может измениться, если мы... если Вы,

Марк, не найдете утечку или не убедите меня в том, что это чистойшей воды фантазии графомана! Но Вы ведь знаете, на бумаге можно придумать еще более изощренный план, но повторить его шаг за шагом, описывая все детали...

— Я понимаю Вашу обеспокоенность господин...

Премьер-министр поменялся в лице, словно ему не хватало воздуха.

— Обеспокоенность?!

Он подошел к Роулли ближе и с гневом смотрел снизу вверх.

— Знаете, что сделают с нами конкуренты на выборах, если это как-то всплывет? Я рискую только креслом. Вы знаете, Роулли, политиков в цивилизованном мире отправляют на заслуженный отдых, сколько бы крови не было на их руках. А вот Вам, Марк, завидуешь всё меньше... Прекращайте миндальничать с этим писателем, вытрясите из него всё, что ему известно! Вы понимаете, что стоит на карте?!

— Абсолютно, господин Бурвиль... Я всё сделаю...

— Вот теперь я узнаю бывшего Марка Роулли... идите...

Роулли сделал лёгкий кивок и направился к выходу. Возле дверей задержался, взглянув на Премьера. Премьер вопросительно вытянул шею.

— Что, Марк? Какая-то идея?

— Нет, господин Премьер-министр, я хотел бы уточнить... всех ли участников «Круга» следует допросить с пристрастием?

— Ну что Вы, Марк... Теперь это все — уважаемые люди, Вы же знаете. Займитесь писателем, а потом мы узнаем, кто предал, у кого проснулась совесть на старости лет, чтобы не бросать тень подозрений на преданных и добропорядочных людей.

— Я Вас понял...

Роулли ещё раз кивнул, открыл дверь и вышел. Премьер задумчиво остался стоять на прежнем месте, смотря в одну точку. Затем, словно вспомнив о чём-то, вздрогнул и быстро подошел к телефону спецсвязи.

— Полковника Радовски! Да...

Премьер положил трубку, подошёл к окну, опять заложив руки за спину и стал натягивать нижнюю губу на верхнюю, глядя вдаль поверх деревьев парка.

В дверь слегка постучали. Премьер обернулся.

— Входите полковник!

В кабинет вошёл высокий мужчина в гражданском костюме, вытянулся, готовый, казалось, исполнить любое приказание. Премьер вытянул нижнюю губу и громко чмокнул, смотря куда-то вниз, словно ища там что-то.

— Вот что полковник...

Полковник ещё больше вытянулся, превратившись в слух, жадно ловя глазами каждый жест Премьера. Тот сделал паузу, взглянул на полковника с некоторым недоверием.

— У меня будет к Вам несколько... деликатная просьба...

Премьер опять сделал длинную паузу, полковник нахмурился, не сводя взгляда с патрона.

— Мне нужно знать, были ли контакты у Марка Роулли с неким... Николасом Крейцем за последние... год... два...

— Господина Роулли? — удивленно переспросил полковник.

— Да... Вашего бывшего шефа. Не пересекались ли пути господина Роулли с, упомянутым господином Крейцем ранее, например, пятнадцать лет назад на Востоке? Ещё мне важно знать, чем занимается господин Роулли сейчас? Не встречается ли он с кем-либо из... партии «Демократическая альтернатива»? Единственным моим условием будет — полная конфиденциальность, Вам понятно?

— Да, господин Премьер-министр... разрешите идти?

— Да... идите...

Войдя в бар, Ник сразу обратил внимание на двух мужчин сидящих за столиком. Один рыжий, крепкий, с жесткими волосами, словно обдирочная щётка, сидел спиной, второй, брюнет с длинным подбородком с неправильным прикусом.

— «Болваны Хансена», — отметил про себя Ник.

Он прошёл к стойке и сел на высокий стул.

— Здравствуйте господин Крейц, у Вас утомленный вид! — приветствовал Джо, — что-то не ладится с Вашим романом?

Джо привычно снял со штыря стакан, посмотрел его на свет, протёр полотенцем висевшее у него на плече, поставил стакан перед Ником и с аптекарской точностью налил виски.

— Нет Джо, с романом всё просто прекрасно, его уже весь купили...

— О, Господь мой великий и справедливый! Ты услышал мои молитвы! — Джо вознес руки вверх, — Я молился за Вас и он услышал мои молитвы! Это ли не чудо, господин Крейц?! Но Вы почему-то не рады... И удаляй печаль от сердца твоего и уклоняй злое от тела твоего!

— Заметно?

Джо с сожалением закивал. Ник наклонился к стойке и дал знак бармену, чтобы тот тоже наклонился. Джо выкатил свои удивленные

африканские глаза и подставил ухо.

— А вот те, двое... рыжий и второй, — Ник кивнул в сторону мужчин, — давно сидят?

Джо перевёл взгляд на мужчин.

— Нет... только пришли, заказали сок и кофе, а что? — Джо перешёл на шёпот, — они Вас преследуют?

— Нет-нет, всё нормально. Весь тираж купили, деньги заплатили, издателя грохнули, а так всё нормально...

Джо ещё больше выкатил свои базедовы глаза, которые, казалось, должны выпасть.

— Издателя? Того господина, о котором Вы скверно говорили?!

Ник часто закивал и отхлебнул виски.

— Господь распорядился забрать сего грешника, ибо грех...

— Джо! — перебил Ник бармена, — меня нужно было бы давно изжарить на адском огне за те грехи, которые я совершил и совершаю, но я вот сижу перед тобой и пью виски, а Фриссе из всех грехов только прелюбодействовал и немного обманывал авторов. Как же так?

Бармен потупил взгляд, замолчал, словно подбираю нужную цитату, потом сделал огорченное лицо, так и не найдя её.

— У вас не найдется огонька? — неожиданно раздался голос девушки.

Ник повернул голову. Высокая блондинка, словно сошедшая с пин-аповского постера, крутила пальцами тонкую длинную сигарету. Ник скользнул взглядом по складке довольно крупного бюста, задержался на красивых, ярко покрашенных губах и только потом встретился с незнакомкой взглядом. Серые, чуть с зеленью, глаза смотрели спокойно, но и с интересом. Ник потянулся за «Ронсоном».

— Мадмуазель, в нашем заведении не курят, — вклинился Джо.

Блондинка не отвела взгляда, на замечание бармена и ожидающе смотрела на Ника.

— Джо, я никому не скажу...

Ник зажег зажигалку и протянул её блондинке. Она, не отводя взгляда, наклонилась к огню, прикуривая сигарету. Ник опустил взгляд на бюст, который стал более заметным, затем снова поднял глаза на серые глаза незнакомки. По лицу блондинки скользнула еле заметная ухмылка. Ник в ответ криво растянул улыбку.

— Спасибо, я покурю на улице...

Блондинка направилась к выходу, как показалось Нику, демонстративно покачивая бёдрами. Он проводил её взглядом, отметив, что у Замира таких экземпляров никогда не было.

— «Медовая ловушка? Зачем же я так вам нужен, если сюда подтащили высший дивизион?» — пронеслось в голове.

Гормональная вспышка уже рисовала секс с этой блондинкой в подсобке бара, на кухонном столе, в туалете, и каких-то пару дней назад так бы и произошло, но теперь страх оказаться в роли мухи прилипшей в этой сладкой «капле меда», обламывал мужские инстинкты Ника, как юношу перед страхом гонореи.

— Эта..., - Ник кивнул в сторону блондинки, — малышка... часто тут бывает?

Джо поднял глаза, затем плечи.

— Нет, я её раньше никогда не видел. У меня скромный бар для таких...

— «Тогда моё чутьё меня не обмануло, хотя какое чутьё..., - Ник бросил взгляд на рыжего и брюнета, делавшие вид, что наслаждаются кофе, — все шаблонно... «не найдется огонька», декольте напоказ, многозначительный взгляд... Почему так безыскусно? Всё на поверхности. Не льсти себе в проницательности... и хватит строить из себя Джеймса Бонда. Ты живешь только потому, что кто-то пока не решил, что с тобой делать. Кто? Ну вот... где же твоя проницательность? А чем я рискую, если я пересплю с этой куколкой? Меня будут шантажировать? Кому я нужен? Я не политик, не медиаперсона, который боится скандала, что мне скрывать? Да я могу трахнуть её под сотню телекамер! Плевать, мне теперь на всё плевать!»

Ник допил виски, положил купюру под стакан, сделал знак Джо, что благодарит и прощается. Засуетились и рыжий с брюнетом. Ник направился к выходу, обдумывая с чего начать разговор. В голову лезли только банальности, от которых подташнивало. Уже несколько лет он не знакомился с девушками на улицах и в общественных местах. Всё больше он решал свои потребности в женском обществе при помощи Замира и тот опыт знакомства, ту лёгкость заядлого пик-опера, которая была раньше, растерял окончательно. Ником овладела неуверенность и страх быть отвергнутым или, ещё хуже, выглядеть жалким попрошайкой. Больше всего Ника смущала та, исходящая от девушки, аристократическая уверенность и лощеность, с которой Нику не приходилось сталкиваться раньше. Все его подруги были проще и доступней. Он вышел из бара, борясь с неожиданно возникшей робостью. Блондинки видно не было. Ник покрутил головой и заметил её на другой стороне улицы садящуюся в свою машину с открытым верхом. Он на мгновение замер, пытаясь подавить сомнения и рванулся к ней.

— Девушка! У вас... спущено колесо!

Блондинка задержалась, взглянула на Ника, затем посмотрела на колеса.

— «Дурак, какая же это «ловушка», если за

ней приходится бежать, обычно её так просто не спровадишь, а тут приходится догонять...»

Рыжий и брюнет, вышедшие из бара, растеряно смотрели на Ника, не понимая, что им делать. Когда до блондинки оставалось метров десять, из переулка выскочила темная «Ауди» и на большой скорости рванула к Нику, едва не сбив его и резко остановилась. Из машины выскочили два крепких парня и кинулись к Нику. Первого он сбил ударом ноги в грудь, второй успел схватить его за руку и заломить кисть. Следующим движением Ник получил удар ногой в печень, но удар был не точен и пришелся подставленный в локоть. Вырвав кисть, Ник нанёс удар костяшками пальцев прямо в горло второму. Он захрипел и попятился назад. Из «Ауди» выскочил водитель и кинулся на помощь. Опомнились и «болваны Хансена».

— Стоять, полиция! — крикнул рыжий и попытался задержать водителя «Ауди». Тот без предупреждения ударил рыжего в челюсть. К чести рыжего, удар он выдержал и сразу же ответил, хоть и не сильно. Подбежал и брюнет. Размахисто и несколько по-дилетантски попытался поймать голову первого парня, но тот умело уходил от ударов, а затем лоу-киком подломил правую ногу брюнета. У рыжего дела были несколько лучше, в виду чугунной башки и челюсти, которые порой наблюдаются у представителей этой масти.

Водитель хоть и попадал, но большого ущерба рыжему этого не доставляло. Ник, для окончательного вывода из «боя» второго парня, в прыжке сверху вниз, нанёс удар локтем в челюсть. Тот качнулся и свалился вперед.

Девушка продолжала стоять и заворуженно смотреть на драку. Ник решил, что пора познакомиться с ней ближе. Тем более, что робость улетучилась и тело заполнилось адреналином. Появился кураж и вернулась уверенность.

— Спасибо, что дождались! Дадите покататься!

Девушка вздрогнула от неожиданности и такого напора Ника. Он выхватил у неё ключи и запихнул в машину, сначала на водительское сидение, а потом перенёс на пассажирское. Блондинка всё это время только удивленно наблюдала и не проронила ни слова. Ник резко отодвинул кресло, вставил ключ, который поддался не сразу из-за дрожащей руки и боли в локте. Выстрел отвлек внимание Ника от попытки завести машину. Водитель «Ауди» выхватил пистолет и выстрелил в воздух. Полицейские замерли. Ник нажал на газ и машина, с пробуксовкой, рванула с места.

— Что происходит?! — пришла в себя блондинка.

— Как бы Вам рассказать ... коротко... Я

думаю, что сейчас будет погоня. Эти ребята настроены серьезно.

— Кто Вы такой?! Кто эти люди?! Полиция?! Вы меня взяли в заложницы?!

— Меня зовут Ник... Николас Крейц, не слышали?

— Нет...

Ник разочарованно покачал головой.

— А как Вас зовут?

— У Вас оригинальный способ знакомиться! Вы можете не ехать так быстро, у меня ещё были планы на вечер... меня зовут Таня...

— Вы русская?

— Нет, не совсем, моя бабушка была русской.

Ник периодически смотрел в зеркало, «Ауди» видно не было.

— «Оторвались или ведёт другая машина, — подумал Ник, — но не видно, кто бы так нёсся, как я».

Ник сбавил скорость и с облегчением вздохнул. Взглянул на Таню. Та смотрела с тревогой и с недоверием.

— Не осуждайте меня и поймите. У меня была простая идея с вами познакомиться, но эти парни... всё испортили.

— Кто они?

— Вы не поверите... я и сам не знаю, и мне самому очень хотелось бы это узнать. Два

последних дня происходят какие-то странные вещи...

— Вы говорите загадками...

— Говорю?... Я думаю, я живу загадками, понимаете?! И спросить мне не у кого?

— Кто Вы, чем Вы занимаетесь? Может в этом разгадка?

— Я пишу...

— Вы журналист? Ну так вот Вам и ответ, написали что-то не то, не про тех и они пытаются свести с Вами счёты.

— Нет... я пишу прозу, детективы и всякую дрянь про «крутых парней», агентов и шпионов. Считаете, эти ребята пытались взять у меня автограф или поговорить об ошибках, о неточностях в описании их нелёгкой доли? Кстати...

Ник достал телефон и визитку Хансена и набрал капитана.

— Капитан? Это Ник Крейц... на меня только что было совершено нападение... там Ваши парни, я не знаю, что с ними, я не стал дожидаться... Где? На Бульваре ... нет, я в порядке, — Ник взглянул на Таню, ухмыльнулся, — даже сказал бы, в полном порядке. Вот видите, как складываются события... Нет, они мне не знакомы... Но машина, вроде та, которая была вчера. Я сейчас еду... я честно не знаю, куда я еду. Сначала за мной следили, теперь

хотят серьёзно поговорить... Сам не знаю о чём...

Таня сидела и безразлично смотрела в сторону, совершенно не реагируя на замечания Ника, только, когда он упомянул о «полном порядке», улыбка скользнула по её лицу. Ник договорил с капитаном, не придя ни к какому внятному плану.

— Так вы писатель? — спросила Таня, когда Ник закончил говорить с Хансеном.

Ник недовольно скривился.

— Это слишком громко. Писателя я представляю в виде бюста на площади или портрета в библиотеке. Знаете, такой седовласый старик, строго и с осуждением смотрящих на посетителей. Нет, я скорее графоман...

— Вы кокетничаете...

— Я?! — Ник не столько возмутился, сколько пытался скрыть за этим возмущением своё нежелание признаться в этом. Кокетничал, конечно, кокетничал. Помолчав, он не стал возражать или оправдываться.

— Не знаю... может Вы правы...

Ник вдруг вспомнил о происшедшем, и выругался про себя, что размечтался, пустил слюни. Он посмотрел в зеркало, затем резко повернул налево в переулок, дал газу. Проехав несколько сот метров, он опять взглянул в зеркало. За ним никто не гнался. Чувства облегчения не было, скорее

временного расслабления, потому как он понимал, так просто от него не отстанут. Чем дальше он ехал, тем сильнее росло чувство, что с девушкой не всё так просто. Она не кричала в истерике, либо испуганно молчала. Выглядела довольно спокойной, будто в её машину каждый день врывается незнакомый мужик и пытается сбежать от погони. Ник внимательно посмотрел на Таню. Ему показалось, что она чересчур спокойна.

— Я нарушил Ваши планы, извините... Вас куда-то отвезти? Или...

— Я не знаю... У Вас большие проблемы, может я чем-то могу помочь?

Ник хмыкнул, улыбнулся. В голове начали рисоваться эротические картинки «помощи» милой блондинки.

— Вы не голодны?

Девушка растерянно пожала плечами.

— Если Вы хотите мне помочь, то не откажите мне в просьбе составить компанию пообедать со мной в каком-нибудь уютном кафе.

— Хорошо..., - ответила Таня нерешительно.

— Замечательно! Если не возражаете, кухню я выберу на свой вкус?

Девушка кивнула. У Ника упала последняя стена недоверия, которые он выстроил благодаря своей писательской подозрительности. Всё последнее время было иллюстрацией его ранних

представлений о спецслужбах, слежках погонях, попытках выявить потенциальную угрозу. Сколько раз он представлял себя в роли своего литературного героя, изучал прохожих, пытался представить их род деятельности, кто они такие, представлял слежку за собой, способы уходить от неё, Теперь всё это нашло практическое применение. Да, конечно, и его служба на Востоке этому была большим подспорьем. Вдруг Нику показалось, что он ничего не знает о своей спутнице, а он сам рассказал о себе больше, чем следовало. В общении с женщинами, он всегда стремился оставаться загадкой. Он вообще ничего и никогда не расспрашивал и не вёл разговоры «по душам» с «девушками Замира», отчасти из-за пренебрежения, отчасти хотелось оставаться в их глазах таким крутым парнем — немногословным, сильным и сексуальным. С Таней получилась как-то не так. Он почувствовал собственную наготу. Распахнулся, даже не зная перед кем.

— А чем Вы занимаетесь? — слова вытекли какой-то вязкой жидкостью, повиснув в томительном ожидании. Ник выругал себя, что не подготовил вопрос, не сформулировал и чувствовал, что спросил как-то глупо, — я имел в виду Вашу профессию, — попытался он немного исправиться. Кроме всего прочего, Нику не нравилось задавать подобные вопросы напрямик,

он любил разгадывать сам, удивляя человека своей проницательностью.

Таня криво ухмыльнулась.

— Я кризисный психолог, у меня частная практика..., - ответила она буднично и просто, что не оставила Нику ни доли сомнений в своей искренности.

— «Вот! Психолог! Вот почему она вела себя не так, как ведут обычные девушки в подобных ситуациях, — Ник обрадовался найденному объяснению, мучившему его, — психолог... Может, поэтому она внимательно смотрела на меня в баре, дурак, а ты подумал, что она проститутка элитного дивизиона!»

Ник повеселел, но показывать этого не хотел.

— Вот как?! Вы видите людей насквозь?

— Что Вы! Я ещё молода и у меня небольшой опыт. Мне кажется, писатели большие психологи.

Нику стало лестно.

Они остановились у небольшого арабского кафе. Таня выглядела настороженной и была скованна. Несколько арабов, сидевших группой, внимательно рассматривали гостью. Ник заметил это.

— Не волнуйтесь, со мной Вас никто не тронет и не причинит Вам никакого вреда. Если не хотите, можем поискать что-нибудь другое, на Ваш выбор... просто я хорошо знаю это место и тут

отличная кухня и..., - Ник немного смутился, — скромные цены.

Таня посмотрела вокруг, словно определяла местоположения, взглянула на арабов.

— Нет, всё нормально, никогда тут не была, даже интересно, пойдёмте.

Омар, хозяин кафе, заметив вошедшего Ника, выскочил навстречу.

— А! Господин Крейц! Ас-салям алейкума! Какой гость! Какая гостья! — Омар расплылся в улыбке, как бараний жир на сковороде, глядя на Таню.

— Да принесет Аллах благоденствие и процветание этому заведению, как и его хозяину!

— Э-э-э! Господин Крейц! — ещё больше расплылся в улыбке хозяин, — проходите, проходите! Вот сюда...

Ник прошёл к столику на веранде, пропуская девушку, предложил расположиться на диване. Таня замешкалась, посмотрела на улицу, на арабов, всё также, не переговариваясь, наблюдавших за ней.

— Можно я сяду сюда? — Таня выбрала плетеное кресло.

— Разумеется, — великодушно согласился Ник.

Они сели. Ник сел спиной к улице на диван, Таня — напротив, в кресло. Ник, чувствуя свое

положение хозяина, стал предлагать различные блюда, даже экзотические, но Таня согласилась на кебаб из ягненка и кофе по-каирски. Немного перебросившись незначительными фразами об особенностях арабской кухни, Таня улыбнулась и жестом показала, что сейчас вернётся. Ник проводил её вожделенным взглядом, предвкушая утолить свой, сначала пищевой, а затем и сексуальный голод. Он закурил, щурясь от дыма и разрабатывая дальнейший план соблазнения.

Звонок по телефону прервал сладострастные мечты. Звонил Хансен. Ник нехотя ответил.

— Да, капитан?! Я ещё жив и собираюсь перекусить...

— Мне нравится, Крейц, что у Вас осталось ещё чувство юмора, но я считаю Вам нужно, как можно скорее заканчивать трапезу и встретится со мной у меня или я приеду к Вам. Где вы находитесь?

— Я..., - Ник подумал, что капитан тоже может быть уже в деле, если ребята так бесцеремонно отвечают полицейским, то они могли взять в оборот и капитана, — к чему такая спешка?

— Я не хочу таскаться с Вашим трупом и брать на себя ещё одно глухое дело!

— Я очень ценю Вашу заботу, но если бы меня хотели убить, Вы бы уже с ним возились.

— С кем?!

— С трупом, капитан...

— Не надо бравады Николас! Это серьезные люди! Вы подвергаете себя очень большой опасности!

— Я справлюсь, господин Хансен. Я пока нужен им живым. А вот Вы бы бросили все свои силы на то, чтобы выяснить, кому я понадобился?!

В дверях показалась Таня.

— Ну всё капитан, звоните, когда что-нибудь узнаете..., - Крейц отключил и спрятал телефон.

Он улыбнулся, разглядывая девушку. Таня улыбнулась в ответ.

— Вас донимают издатели, предлагая наперебой напечатать Ваш роман?

Ник криво улыбнулся.

— Одного издателя уже с нами нет... его выбросили из окна... вчера вечером...

— Какой ужас! — Таня как-то фальшиво изумилась, — Никогда бы не подумала, что это такая опасная профессия...

Нику показалось, что эмоция прозвучала только в голосе, взгляд же Тани оставался спокойным и не выражал никакого удивления. Он опустил взгляд, улыбка сошла и Ник посерьёзnel. Он снова внимательно взглянул на девушку. Таня перехватила его взгляд и вопросительно наморщила лобик. Ник криво ухмыльнулся и мотнул головой, показывая, что всё нормально.

— «Лучше бы ты оказалась пустой дурочкой, чем то, о чём я подумал», — Ник натянул улыбку и разглядывал девушку.

Омар принёс заказ, рассыпаясь в комплементах и благодарности гостям за посещение.

К кафе неслышно подъехал тёмный тонированный микроавтобус, встав немного в стороне. Из него вышли четверо крепких мужчин, оставив раздвижную дверь приоткрытой. Омар, расставив заказ, пожелав приятного аппетита, заметил новых посетителей, направляющихся к кафе. Улыбка сошла и на лице возник интерес. Ник перехватил взгляд Омара и повернулся. Парни, заметив, что обнаружены, сорвались в бег. Ник собрался вскочить, но холодный и спокойный голос Тани пригвоздил его к дивану.

— Оставайтесь на месте, господин писатель, — слово «писатель», как показалось Нику, было произнесено с некоторым сарказмом и издёвкой, — не то попросааетесь с самым драгоценным, что у вас есть — вашими яйцами!

Нику хорошо был известен этот сухой щелчок затвора «Глока». Оставались нюансы, был ли это 26-й или машина повзрослее.

— Жаль, что Вам не довелось с ними познакомиться ближе...

Таня держала руку под столом и внимательно

следила за реакцией Ника, приподняв одну бровь.

— Я переживу эту утрату...

— «Как же красива эта сучка... и эта бровь... Значит мои худшие опасения оправдались», — пронеслось у него в голове.

Ник обмяк и спокойно любовался блондинкой. Всё-таки он увидел тревогу и беспокойство в её глазах. Смогла бы она выстрелить, если бы он не стал её слушать? Может быть и смогла, но скорее от испуга, неуверенности, чем осознано.

— «Ты самонадеянный баран, — корил себя Ник, смотря в глаза Тане, — ты думал, что они играют просто и незатейливо, а оно вон как. Они знали твое слабое место, а ты думал яйцами, а не головой, как раз всё просто и незатейливо, тебя просчитали на раз».

Четвёрка, бесцеремонно отодвинув в сторону, вышедшего встречать посетителей Омара, обступили столик Ника.

— Проедьте с нами, — сказал один из них, самый старший, мощный здоровила, с коротко стриженным ежиком цвета молотого перца.

Таня выдохнула с облегчением и спрятала пистолет в сумку, опустила глаза и смотрела на аппетитный кебаб.

— Э-э... господи, что ужасного сделал этот уважаемый человек, кроме, как сочинял слова?

Разве за это можно судить? — Омар растерянно развел руки.

Парни его слова проигнорировали и стояли, нетерпеливо дожидаясь, когда Ник поднимется. Он обвёл их взглядом, посмотрел на Таню. Та коротко взглянула с каким-то сожалением, как ему показалось, встала и грациозно вышла из-за стола. Она прошла мимо Омара, пытающегося уловить в её выражении ответ на свой вопрос. Улыбнулась.

— Спасибо, всё было прекрасно...

Арабы стали перешёптываться, жестикулируя и кивая в сторону девушки. Ник медленно поднялся и выбрался из-за столика. Два парня пошли перед ним, двое — сзади. Таня подошла к машине, взглянула на выходящих мужчин, села в машину и медленно тронулась, провожая взглядом Крейца.

— Кто заплатит мне за заказ?! Полиция города?! — никак не мог смириться Омар с арестом своего постоянного клиента, — почему молчите?!

Арабы встали и начали злобно выкрикивать по-арабски. Двое идущих сзади парней обернулись, один попытался что-то сказать, Ник заметил, как внимание парней переключилось на Омара. План возник мгновенно. Когда обернулся старший, идущий впереди, Ник прямым ударом в челюсть опрокинул его. Парень справа, не сразу заметил, падение напарника и Ник ударил внешней стороной ступни ему по ахилловому сухожилию. Тот

застонал и присел, схватившись за ногу. Крейц сорвался и побежал к машине Тани. Она стояла на выезде со стоянки, пропуская поток слева. Парни, стоявшие сзади, поняли, что произошло и рванули за Ником. Омар успел схватить за куртку, чем сумел задержать того на пару секунд. Арабы выскочили из веранды и начали громко что-то кричать и махать руками. Взревел двигатель микроавтобуса и он сорвался с места, подъехав к входу в кафе, едва не наехав на арабов. Те успели отскочить и забежать назад на веранду. Микроавтобус подобрал старшего и парня с поврежденным ахиллесом и помчался за Ником. Притормозив, в него заскочили и двое, бросившиеся догонять Крейца.

Таня вырулила на главную дорогу и стала разгоняться. Ник понял, если сейчас он не сделает рывок и не догонит машину девушки, то убежать он уже не сможет, разве что кинуться наперерез потоку, в призрачной надежде, что его не собьют. На длинную дистанцию у него уже не было ни сил, ни дыхания, в отличие от молодых преследователей. Таня слишком поздно заметила, несущегося ей наперерез, писателя. Она попыталась резко ускориться, но Ник успел зацепиться за дверь, запрыгнул и упал на заднее сидение. Таня вскрикнула, резко затормозила. Ника отбросило на спинки передних сидений. Он быстро поднялся.

Девушка судорожно пыталась хватить сумку и вытащить пистолет, но Ник схватил её за горло, сильно вцепившись пальцами. Таня закричала.

— Я тебе вырву глотку, дави на газ! — прошипел Ник. Он слегка ослабил хватку, посмотрел на микроавтобус. Тот мчался по тротуару. Таня наступила на газ, машина рванула, но быстро догнала впереди идущую машину. Пришлось притормаживать и ползти в потоке. Микроавтобус преследователей догонял.

— Давайте-ка девушка, я поведу!

Ник схватил сумку с переднего сидения, стащил за руку из-за руля Таню и перепрыгнул на водительское сидение, нечаянно нажав на педаль газа. Автомобиль резко дернулся и, догнав впереди идущую машину, слегка ударил её.

— Черт!

Он в отчаянии ударил по рулевому колесу. Таня испуганно смотрела на Крейца и держалась за горло. Микроавтобус почти поравнялся с их машиной, остановился и из него выскочили два парня и старший. Ник резко взял вправо, машину подбросило на бордюре, раздался скрежет из-под днища и машина выскочила на тротуар. Преследователи остановились, замешкались, побежали назад к микроавтобусу. Ник смог немного оторваться и уже на перекрестке, съехав с тротуара, резко повернул налево, распугивая

пешеходов идущих по переходу, получая вслед проклятия и неодобрительные крики. Он свернул ещё раз налево в противоположную сторону. Микроавтобус, решил повторить маневр Ника, но загорелся зелёный и машины тронулись, преградив путь преследователям. Водитель поставил мигалку и включил сирену. Поток остановился, пропуская микроавтобус. Ник получил неплохую фору и теперь мог немного разобраться с содержимым сумки Тани. Он вытащил «Глок» и повертел в руках.

— Я немного ошибся, думал 26-й, а оказался 17-й... не великоват для такой хрупкой девушки? Или девушка предпочитает побольше?

Таня со злостью отвернулась.

— Телефон, извини, нам не понадобится, — Ник выбросил телефон на дорогу. Порывшись в сумке, Ник ничего не нашёл, что бы показалось интересным. Он вытащил права. С фотографии на него смотрела Таня, только имя было указано другое — Элиза.

— Таня тебе больше подходит, — он небрежно швырнул ей сумку. Она вздрогнула, бросила затравленный взгляд на Ника, — Элиза Росси... итальянка?

Таня продолжала держаться за шею, молчала и только бросала озлобленные взгляды.

В зеркале замаячил микроавтобус. Ник

скривился. Девушка заметила его реакцию и обернулась назад.

— Что вам от меня нужно? Кто вы? Си-Ай-Эс? Эн — Си — Эс? Ми-6? КГБ? Штази? Я, кстати, писал про Штази, давно правда, лет десять... А? Что молчишь? У меня нет золота Хонекера! Какого хрена вам нужно?! Какой кебаб из-за вас пришлось оставить...

Благодаря мигалке, микроавтобус довольно быстро догонял, машины уступали ему дорогу и Ник уже различал лица преследователей. Впереди был светофор, машины притормаживали. Свернуть было некуда, оставалось только упереться кому-нибудь в зад и ждать, когда тебя вытащат из машины. Он понимал, что стрелять, они может и не будут, разве что по ногам, а раскрасить теперь могут знатно. От чего он давно отвык. Таня, будто предчувствуя скорую развязку, стала чаще оглядываться назад, взволновано поглядывая на Ника.

Справа от него, на метров десять сзади плёлся какой-то серебристый седан. Ник резко свернул вправо и затормозил. Седан засуетился, взял левее, пытаясь не столкнуться с Ником, чего он и добивался. Микроавтобус перестроится уже не успевал и тоже притормозил, чтобы не столкнуться с седаном. За Ником образовалась свободная полоса. В микроавтобусе уже распахнули боковую

дверь, готовясь выскочить. Ник включил заднюю передачу и помчался назад, резко рванул ручник и вывернул руль влево и дал газу. Машину резко, с визгом резины, развернуло на месте. Таня вскрикнула. Из микроавтобуса выскочили два парня, пытаясь регулировать, махали руками, показывая объезд. Встречные машины сигналили и моргали фарами, останавливались или уходили в сторону, уступая Нику дорогу. Таня испуганно перевела дыхание, с изумлением взглянув на Крейца.

Ник доехал до примыкающей улочки и свернул в неё. Он перевел дыхание, периодически поглядывая на спутницу.

— Сильно болит?

Таня отвернулась.

— Мне хотелось продолжить наш, так многообещающе начавшийся, вечер. Я уже не буду спрашивать, нравится ли тебе моя компания, предупрежу только об одном — делать так, как я говорю, это понятно?

Она неохотно наклонила голову и кивнула.

— А вот и группа поддержки!

Таня посмотрела назад. Вскоре в зеркале появился и микроавтобус.

— Теперь все в сборе, — с сарказмом заметил Ник.

Крейц достал телефон и набрал номер Замира.

— Алло, — донеслось в трубке, — это ты Машкул?! У меня есть для тебя свежий товар!

— Нет, нет, Замир, я по другому поводу... Почему ты меня называешь Машкул? Что это? Уж не засранец ли?

— А... ха-ха-ха! Нет дорогой, это, как мужик, самец, понимаешь?

— Хорошо, что так... Замир, нужна твоя помощь, мне нужно скрыться на некоторое время...

— Что так?

— Долго объяснять.

— Если бы ты был мусульманином, то нет лучшего места, чем Далми.

— Далми?... Замир, я подумаю над твоим предложением произнести шахаду, говори к кому там обратиться?

— Спроси однорукого Абу Хабиба, скажи, что я очень просил, он поможет.

— Спасибо Замир, я твой должник.

— Э-э-э... ты тогда береги себя, а то кто мне отдаст долг! Ха-ха-ха!

— Хорошо... пока...

— «Далми... Хабиб... Гиблое место... У тебя есть выбор?» — промелькнуло у Ника.

Он дал газу. Улица выходила на оживленный проспект, где он смог уйти от погони, а в Далми они сунуться не рискнули.

Район Далми давно стал маленьким Багдадом или Мосулом в городе. Городом в городе, государством в государстве, со своим правительством, полицией, судом, если потребуется и армией, своей банковской системой — хавалой, хранивший гробовое молчание на любой вопрос европейца, случайно попавшего сюда. Каких только названий не придумали Далми за его пределами, но Ник считал, что «Зеленая зона» наиболее точное название. В нем была скрыта издевательская насмешка, по аналогии с Багдадской «Зеленой зоной» — зоной комфорта и безопасного проживания европейцев и американцев в исламском беспокойном окружении, «Зеленая зона» Далми была зоной комфорта тех, от кого отгородились в Багдаде. А «зеленая», как нельзя лучше, характеризовал принадлежность Далми к исламской традиции и укладу жизни. Давным-давно это был район обеспеченных бюргеров, лавочников и мелких зажиточных клерков. Война на Востоке принесла сюда тысячи беженцев, готовых работать за корку хлеба и тогдашние хозяева Далми охотно брали себе на работу этих несчастных. Они работали прислугой, водителями, официантами и зарабатывали прочим неквалифицированным ремеслом. Когда война

закончилась, здесь появились и те, кто сумел остаться в живых после разгрома «армии аль-Халлаби». В Далми сначала стало неудобно, затем небезопасно, а в итоге страшно тем самым клеркам, бургерам, которые приютили первых беженцев. Они стали покидать эти места и так в районе не осталось ни одного «коренного» жителя Далми.

Войти европейцу в район было легко, а вот выйти без потерь было почти невозможно. Ник и без Замира знал, что если нужно скрыться, то не нужно лететь в Шанхай или прятаться в колумбийских джунглях. Всего несколько километров на северо-запад от центра и ты в другом государстве, в другом мире, в другом измерении. Только надо знать, кому и от кого сказать несколько заветных слов и «сезам» распахивал свои тайны и так же скрывал их от посторонних, превращая людей в безмолвный камень.

Оторвавшись от погони, Ник медленно ехал по улочкам района, не зная где искать Абу Хабиба. Прохожие женщины, в разнообразных абайях, от наглухо- черных до светлых, кокетливых, не спешили по своим делам, эмоционально переговариваясь между собой. Изредка попадались женщины в хиджабах. И мужчин и женщин объединяло то, что все они всматривались в

пришельцев каким-то тревожным и пытливым взглядом. Ник помнил эти взгляды, в Дохе и Багдаде, спина покрывалась мурашками, хотелось обернуться — не летит ли в голову камень? Ник нажал на кнопку. Верх складной крыши выехал и накрыл их.

— У тебя есть очки, косынка, какой-нибудь платок? — озираясь по сторонам, тихо произнес Ник.

— У меня есть шарф... и очки...

— Надень и закрой лицо.

Таня достала из сумки легкий цветной шарфик накинула на голову и запахнула его, затем надела очки. Ник остановился у какой-то лавки.

— Ты понимаешь, куда мы приехали?

— Да..., - ответила Таня упавшим голосом.

— Одной тебе отсюда не выйти, так что придётся держаться меня...

Хозяин лавки подошел к машине, что-то гневно говоря и показывая, чтобы Ник убирался. Ник, напротив, расплылся в улыбке. Хозяин лавки замолчал, но смотрел с той же ненавистью.

— Мир вам и вашему дому! — произнес Ник по-арабски, — я ищу почтенного Абу Хабиба, без одной руки, дай ему Аллах здоровья! К нему меня послал правоверный Замир...

Хозяин лавки недоверчиво посмотрел, подумал в нерешительности. Потом куда-то

крикнул. Прибежал подросток лет четырнадцати. Хозяин что-то ему сказал и мальчишка убежал. Хозяин дал знак, чтобы Ник ждал. Руки потели сильнее, чем когда гнались те парни. Сидели недолго, каждая секунда напряженно тянулась. В голове Ника прокручивалась вся его восточная эпопея, плен, издевательства Сахаба, побег. Таня сидела мышкой, даже боялась сделать лишнее движение. Ник заметил её страх.

— Я думал, вы крутые ребята...хм...

В конце улицы показался мальчишка, за ним шли двое бородатых мужчин. Один из них остановился, посмотрел на Ника и ему махнул рукой, чтобы тот следовал за ним. Ник вышел из машины. Таня осталась сидеть. Он наклонился.

— Пошли, теперь ты должна ходить за мной, как на поводке.

Таня, медленно, с обречённостью посмотрела на Крейца и неохотно вышла.

Они прошли, сопровождаемые бородачами пару кварталов, остановились. Нику дали знак ждать. Бородачи зашли в какое-то здание, озираясь по сторонам. Через минуту Нику махнули из глубины помещения.

В комнате сидел, немолодой, лет пятидесяти, мужчина в белой гахфии, без платка и светлом-сером дишдаше. Тяжелый, неприветливый взгляд сверлил вошедших.

— Сними очки, — приказал он Тане, она беспрекословно сняла. Он обратился к Нику, — Кто послал тебя?

— Замир, — спокойно сказал Ник, стараясь не отводить взгляд, — Вы Абу Хабиб?

— За ним больше никого нет? — спросил мужчина по-арабски.

— Я приехал один... с женщиной, — по-арабски ответил Ник, — Вы Абу Хабиб?

Мужчина удивлённо посмотрел, взгляд стал заинтересованным.

— Да, я Абу Хабиб. Откуда ты знаешь Замира?

— Я иногда пользуюсь его услугами, — Ник посмотрел на Таню. Лицо Абу Хабиба исказила ухмылка. Он внимательно, оценивающе разглядывал девушку.

— Чего же ты хочешь?

— Мне нужно скрыться на некоторое время... Мне нужен телефон с регистрацией где-нибудь на Ближнем Востоке и... нужен компьютер.

— Это не сложно... у тебя проблемы с полицией?

Ник скривил рот.

— Да...

— Кто эта женщина? — кивнул в сторону Тани Абу Хабиб.

— Это... это мой трофей...

— Ха-ха! Трофей?! — развеселился Абу Хабиб, — сколько ты хочешь за него?!

Таня с испугом взглянула на Ника. Он сделал паузу, словно складывал цену, посмотрел на девушку, прицениваясь, сколько за неё можно запросить. Заметив мольбу и отчаяние в её глазах, надменно ухмыльнулся и провёл намеренно наглым, раздевающим взглядом по её фигуре.

— Сейчас она не продается...

— Ты не в том положении чтобы со мной торговаться! — посерьёзnel Абу Хабиб, — откуда ты знаешь арабский? — продолжил он, перейдя на язык жителей аравийских пустынь.

— Я подумую, уважаемый Абу Хабиб, но потом, а сейчас она моя пленница. И она мне нужна, — ответил Ник на арабском, — язык я выучил, когда был в... Тунисе...

Абу Хабиб внимательно посмотрел на него.

— Ты мне врешь, кафир! У тебя произношение наших братьев из Аш-Шама! Где ты его учил?! — Абу Хабиб сузил глаза.

Ник сглотнул, подумал, что достать пистолет, который почему-то не обыскали, будет сложно.

— В Тунисе... я долго общался с журналистом ... Салехом Варади из Иордании, он и научил меня...

Тут Ник не врал. Салех Варади и вправду учил его арабскому. Только ни в каком не Тунисе, а

гораздо восточнее, в песках Нефуд-эль-Кебир и ан-Наджафы, где они и подружились, когда Ник воевал, а Салех был военкором какой-то европейской газетёнки. С тех пор они долго не виделись, а навыки языка, преподанные Салехом, сейчасгодились, как нельзя кстати. Говорить, что языку он практиковался не в Тунисе было бы самоубийством. Абу-Хабиб сразу задал бы неудобный вопрос, что он там делал и тогда ни рекомендация Замира, ни хоть самого Эмира Кувейта не могли бы стать на его защиту.

Абу Хабиб долго всматривался в бесстрастное лицо Ника.

— Ну хорошо, — ответил он после долгой паузы, — как ты будешь рассчитывать, — перешёл он с арабского и перевёл взгляд на Таню, посмотреть на её реакцию.

— У меня есть немного денег...

— Что деньги..., - не глядя на Крейца, растянул Абу Хабиб, любуясь девушкой с мечтательной улыбкой.

— Я оставляю тебе её, когда... уйду отсюда, — понял Ник многозначительное разглядывание девушки.

Таня бросила резкий и испуганный взгляд на Ника.

— Это другой разговор.

Абу Хабиб встал, не спеша подошел к Тане

снял с её головы шарф, внимательно осмотрел.

— Я помогу тебе... быстрее отсюда уйти...
Ха-ха-ха!

Двое бородатых, стоящих сзади, подхватили шутку Абу Хабиба. Наконец-то Ник смог, не опасаясь получить пулю или нож в спину, оглянуться. Бородачи держали наготове пистолеты и скалили зубы. Девушка потупила взгляд и была сильно напугана. Ник испытывал удовлетворение, чувствуя полную зависимость от него и страх человека, который совсем недавно был уверен в «выполнении задания». Таня искоса посмотрела на Крейца взглядом обречённого.

— Проводите гостей, дайте им, что они просят, — приказал однорукий.

Комната, куда определили Ника и спутницу, была просторной, но тёмной с маленьким окошком с деревянными жалюзи. Таня прошла в комнату и безвольно опустилась на стул, стащила с головы шарф. Ник тоже почувствовал усталость и упал на диван, положив ноги на спинку, затем повертелся и достал из-за пояса сзади пистолет. Потом поднялся, сел. Посмотрел на Таню.

— Думаю, самое время всё по порядку объяснить, Элиза...

— Мое, и вправду, настоящее имя — Таня... я... ничего не смогу объяснить...

— Видишь ли детка, по большому счёту ты мне не нужна, из-за тебя у этих любителей отрезания голов может появиться большое желание «уйти» меня отсюда, как можно скорее. Чем дальше мы здесь будем находиться, тем это желание будет возрастать. Поэтому, чем быстрее я пойму, что от меня хотят твои друзья, тем быстрее мы сможем отсюда выйти.

— Тем быстрее ты расплатишься мной с этим уродом?

— Я не сказал ему, что это будет обязательно. Таня вопросительно посмотрела.

— Зачем было бросаться такими обещаниями.

— У этих детей пустыни другое представление о данном слове. Они прославляют хитрость и коварство Пророка, поэтому и обещания для них не имеют никакой ценности. Ну, так как? Мы отвлеклись?...

— Я... правда, ничего не знаю...

Ник встал, глубоко вздохнул.

— Я могу, не обращая на детали, рассказать, что будет с тобой, если я не получу нужного ответа. Однорукий, конечно, не упустит возможности попользоваться тобой. Потом ты окажешься где —нибудь в Эр-Рияде, Дохе, Триполи... если не повезет — в бедуинском шатре посреди пустыни. Но, думаю, должно повезти! С твоими данными ты пройдёшь сверху вниз всю иерархию...

— Почему ты мне не веришь?! — вскрикнула Таня.

Ник приложил палец к губам.

— Не так громко.

Таня понизила голос.

— Я действительно ничего не знаю, я не знаю этих людей... Я выполнила свою часть и всё... Меня больше ничего не касается...

— Отстрелить мне яйца была твоя инициатива, да?

Таня резко отвернулась.

— Давай по порядку... Ты сотрудница какой-то службы?

— Нет. Я... время от времени выполняю некоторые просьбы...

— Интересно...

— Я работала в одном эскорте, совсем молоденькой... это не проституция...

— Да я не моралист, можешь передо мной не оправдываться.

— Потом я сопровождала одного пожилого человека, он был учтивым и, видимо, высокого положения, у меня с ним ничего не было, но он стал покровительствовать мне. Заплатил за обучение... Я, правда, психолог! Сначала всё шло нормально... потом он позвонил и сказал, что мне нужно встретиться с одним человеком, познакомиться, будто случайно, сказал, что человек очень важный

и просил... в общем, не быть недотрогой...

— Ну понятно, зачем недотроги важным людям, — сыронизировал Ник.

Таня терпеливо выждала, когда у Ника пройдет приступ сарказма, сделала паузу и искоса взглянула на Крейца.

— Он мне хорошо заплатил...

— Важный?

— Нет... Антоний. Так его звали...

— Антоний? Странное имя...

— Потом я узнала, что это был Королевский Прокурор... Ренц, кажется... Так я стала работать на Антония. Звонил он редко, платил щедро, я смогла открыть практику, что тут предосудительного, если вы думаете яйцами!

— Помню... ну да... инстинкты... Ну так я же не Прокурор, ни министр финансов, ни, даже, конюх Королевского двора, я-то зачем нужен?!

— Не знаю, он позвонил, сказал, какой бар, сказал, как ты выглядишь...

— Ну хорошо, я на тебя клюнул, там в баре, затащил в подсобку, трахнул, в чём задача?

— Тебя нужно было выманить на улицу...

— То есть ты была настолько уверена, что я пойду за тобой?

— Да...

— А если я... гей?

— Нет, Антоний сказал, что мне ничего не

нужно делать, просто подойти и попросить закурить. Ты сам всё сделаешь...

— А ты куришь...

— Нет...

Ник достал сигарету и закурил, размышляя, что делать дальше.

— Мне не нравится, когда меня изучают, словно амёбу под микроскопом, знают мои привычки, рефлексy, наклонности. Но ведь потом?! Могло не получиться, сорваться? Если бы я не прыгнул в твою машину, если бы «люди Хансена» были попроворнее, и положили бы там этих из «Ауди»?

— Ты бы все равно сел ко мне в машину...

— Хм... Тогда расскажи мне историю с пистолетом? Это тоже Антоний?

— Как тебя это задело...

— Еще бы! Мне целят...

— Я бы не выстрелила, а парни бы могли, просто я...

— Просто ты меня пожалела, — Ник иронично развел руки.

— Если хочешь, да! Я не знаю, зачем ты им нужен, но я думаю, что ты сделал что-то такое, что задело их интересы!

— Какие их интересы я могу задеть?! Я написал этот чёртов роман, с вымышленными именами, о вымышленной стране, просто за основу

взял события пятнадцатилетней давности, напустил в них тумана, загадочности, теории заговора, тайны и всё! Какие интересы?! Меня преследуют, словно я похитил коды доступа к запуску ядерных ракет! Они перевернули весь мой дом, следили за мной, убили Фриссе...

— Это кто?

— Это мой издатель...

— Значит дело в романе...

— Чёрт! Телефон? — осенило Ника, — ты сказала, что он звонил по твоему телефону... и ты ему звонила, сдала меня, когда мы были в кафе? Когда я распустил слюни и думал, что встретил хорошенькую девушку?

Таня с сожалением посмотрела на Ника.

— Ты же его выбросил...

— Да... чёрт... Да! Но ты знаешь свой номер?!

— Да...

— Теперь бы ноутбук и телефон... и пожрать... Какой кебаб ты пропустила... Тут придется давиться шавермой из бродячих собак.

Таня скривилась.

— Ладно... Я принесу что-нибудь поесть и посмотрю окрестности. А ты посиди, отдохни, прими душ... если что-нибудь нужно ещё — скажи... Только из дома без меня... ты понимаешь, ты даже не попадешь к бедуинам, тебя забьют

камнями за десять метров от дома.

Таня с ужасом посмотрела.

— Да-да... — закрепил Ник трагическую перспективу.

Крейц вышел из дома, оглянулся по сторонам, прошел пару кварталов, свернул на другую улочку. Было пусто, только вдалеке торопливо шли две женщины.

— Аср... время предвечернего намаза...

Ник вышел на улочку, где стояла машина Тани. Лавка была закрыта. Откуда-то доносился голос муэдзина. Он сел в машину. Откинулся на сидении и уснул. Обрывками всплывали картины прошедших событий, Таня с приподнятой бровью, погоня, однорукий Абу Хабиб, снова Таня, её испуганное лицо... и постоянное чувство преследования. Он бежит, прячется, возникает хитрое лицо Абу Хабиба, словно говорящее: «Я знаю где ты...». Ник опять бежит, опять прячется. У Абу Хабиба в руках огромный тесак, он машет им и Ник чувствует дуновение от рассекаемого им воздуха. Куда бы не спрятался Ник, Абу Хабиб находит его и кричит: «Ты врешь мне! Ты врешь мне! Кафир! Кафир!»

Ник вздрогнул и наяву услышал крики: «Кафир! Кафир!» В окно машины стучал хозяин лавки, бурно жестикулируя. Ник мотнул головой, отгоняя остатки сна, открыл дверь.

— Что ты кричишь, дорогой, — спросил Ник на арабском.

— Убери машину от моей лавки! — гневно приказал хозяин.

— Я жду, когда закончится намаз, чтобы купить у тебя немного фруктов и другой еды, — спокойно ответил Ник, — если ты не хочешь мне продать, я уеду...

Ник уже собирался садиться и уезжать, когда хозяин переменился в лице, показал улыбку из желтых, словно недозрелая кукуруза, зубов и схватил Ника за локоть.

— Э... уважаемый! — перешёл хозяин с арабского, — это другое дело, заходи! Всё есть, всё найду!

Ник сделал недоверчивое лицо.

— Всё?

— Всё найду, для уважаемого человека!

— И «Джек Дэниэлз» найдешь?

— Всё сделаю, заходи!

Хозяин позвал подростка, что — то ему шепнул и мальчишка помчался во всю прыть по улице.

— Заходи, заходи, — расплылся в улыбке хозяин.

Через полчаса Ник грузил пакеты в машину, отметив для себя, что даже из огромного супермаркета выходил с меньшими покупками, чем

из крошечной лавчонки, какого-то пакистанца.

Когда Ник переступил порог, Таня, одетая в халат, буквально бросилась к нему.

— Наконец-то! Приходили эти... я... мылась в душе... они зашли и стали смотреть на меня... я думала они меня изнасилуют! — Таня закрыла лицо ладонями, пытаясь скрыть слёзы.

Ник безразлично раскладывал пакеты на стол.

— Они принесли ноутбук и телефон? — он бросил взгляд на стол, и увидел их на столе, — замечательно!

Таня убрала руки и с негодованием взглянула на Ника.

— Ты не слышал, что я тебе сказала?!

— Слышал... От тебя ведь ничего не отпало, когда они смотрели? Не осталось ожогов от их взглядов? Теперь ты им обеспечила массу впечатлений для мастурбации на неделю. Наверное, они и сейчас этим занимаются.

— Какая же ты сволочь! У меня, зато, остались синяки от твоих щупальцев! Видишь?!

Таня вытянула вверх подбородок и показала шею. Ник увидел заметные лиловые пятна от пальцев. Он виновато опустил голову.

— Я был вынужден спасти свою жизнь, не рассчитал, извини...

— Извини?!

Вдруг выражение лица Тани сменилось на

скорбное и она с видом обречённого человека подошла ближе к Нику заглядывая в глаза.

— Вывези меня отсюда...

— Ты мне нужна здесь.

— Зачем, я тебе? Большого я уже не смогу сказать, я сказала всё, что знала. Зачем я тебе?!

Ник вытянул губы. Провел обратной стороной ладони по своему подбородку.

— Нужно побриться... А может, напротив, отпустить бороду, глядишь, сойду за местного...

Таня опять вспыхнула.

— Ты не ответил!

Ник внимательно взглянул на Таню, наморщив лоб.

— Почему ты решила, что я тебе поверил?

Таня обескуражено подняла брови.

— Что же мне нужно сделать, что бы ты поверил?

— Не знаю... сказать правду... Девушка, носящая в сумочке семнадцатый «Глок», вызывает у меня сомнения в её искренности.

Таня опустила голову и как-то ссутулилась.

— Я бы хотел перекусить и помыться. Я думаю, у меня после этого найдутся силы подумать о чём-то другом кроме еды чистого халата. Нужно разобрать покупки, ну и как-то... соорудить ужин... а я в душ...

Ник снял куртку, вынул из-за пояса пистолет,

швырнул его вместе с курткой на диван и зашёл в душ.

Вода смывала с него тягостные мысли, одну за другой. Он с блаженством подставлял лицо и голову под струи, делая воду, от обжигающе ледяной до нестерпимо горячей. В комнату Ник вошёл, еле ощущая земное притяжение. Когда он обратил внимание, на стоящую посреди комнаты Таню, эйфория блаженства мгновенно улетучилась. Она стояла, держа двумя руками пистолет, смотря на Ника, приподняв бровь, как тогда, у Омара и также была сексуально восхитительна. Ник сделал недоумённое лицо.

— Сейчас ты оденешься и вывезешь меня из этого чертового места. А сам делай, что хочешь. Можешь даже стать мусульманином и завести себе здесь гарем. Слышишь?!

— Ты поедешь в халате?

— В смысле? — не поняла Таня.

— Ну, ты будешь переодеваться? — спросил спокойно Ник.

— При чем тут это?

— Я подумал, если ты будешь переодеваться, куда ты положишь пистолет? Дашь его мне, чтобы я подержал?

— Сколько у нас сарказма... я хоть голая отсюда поеду!

— Ну вот, а делала вид, что испугалась

взглядов двух бородатых мужчин... я не сомневался в беспринципности и бесстыдстве «интелиджент — гёрл».

— Одевайся! — Таня дёрнула пистолетом.

Ник с нескрываемым наслаждением наблюдал за выражением лица девушки. Чем сильнее оно выражало гнев, тем становилась красивее и желаннее, возбуждая Ника этой приподнятой бровью, пронзительным взглядом серых глаз. Ник медленно развязал пояс и сбросил халат, оставшись нагим. Взгляд Тани, словно сопротивляясь, сползал вниз и остановился на достоинстве Ника, которое, напротив, стремилось ввысь. Конечно, Ник хотел увидеть в её глазах изумление или, неслышно прошёптанное губами — «ого!», каким восторгом его одаривали девушки Замира, которым, конечно же, он не верил, но приятно ласкало его это. Таня подняла взгляд, посмотрела ему в глаза, осмотрела рельеф его торса, мощные грудные мышцы, рельефный живот. Скорее она выбирала место, куда можно было выстрелить. Ник расставил руки в стороны.

— Я подумал, что могу составить тебе компанию... в нудистском забеге.

— Одевайся..., - процедила Таня.

Ник двинулся к ней, медленно с решимостью во взгляде. Таня попятилась назад, опустив пистолет, направив его в промежность.